

Скиннер, Беррес Фредерик - Burrhus Frederic Skinner

**“Свобода и управление людьми - Freedom and the Control of Men” по тексту стр. 135-151
сборника “Skinner for the Classroom”, Research Press, Champaign, Illinois, 1982.**

Примечание редактора сборника

Эта статья была впервые опубликована в журнале "Американский ученый" - "The American Scholar" (Winter 1955-56, 25, 47-65) и была переиздана во всех изданиях книги "Подводя итоги" - "Cumulative Record", а также в других сборниках. Взаимоотношение свободы и управления было главной проблемой в работе Скиннера на протяжении более трёх десятилетий. Он обсуждал её в своем утопическом романе "Уолден-Два" - "Walden Two" (1948), в книге "Наука и поведение человека" - "Science and Human Behavior" (1953) и в многочисленных статьях - "Управление поведением человека" - "The Control of Human Behavior" (1955), данная статья, "Проблемы, связанные с управлением поведением человека" - "Some Issues Concerning the Control of Human Behavior" (1956, совместно с Карлом Роджерсом), "Конструирование культур" - "The Design of Cultures" (1961), "Факторы подкрепления в конструировании культуры" - "Contingencies of Reinforcement in the Design of a Culture" (1966), "Видения Утопии" - "Visions of Utopia" (1967), "Утопия с помощью управления поведением человека" - "Utopia Through the Control of Human Behavior" (1967), "Конструирование экспериментальных общин" - "The Design of Experimental Communities" (1968), «Ещё раз о свободе и достоинстве человека» - "Freedom and Dignity Revisited" (1972), "Ещё раз о "Уолден-Два" - "Walden Two Revisited" (1976), "Между свободой и деспотизмом" - "Between Freedom and Despotism" (1977), и наиболее детально в своём бестселлере 1971 года - "За пределами свободы и достоинства" - "Beyond Freedom and Dignity". Эти статьи были перепечатаны в книгах "Факторы подкрепления" - "Contingencies of Reinforcement", "Подводя итоги" - "Cumulative Record" и "Размышления о бихевиоризме и обществе" - "Reflections on Behaviorism and Society" (некоторые - под новыми названиями).

В статье "Свобода и управление людьми" Скиннер утверждает, что наука о поведении может быть применена как культурная (социальная) инженерия для формирования "счастливых, просвещенных, квалифицированных и хорошо воспитанных полезных членов общества". Против таких планов была выдвинута масса возражений: мол, человеческая природа неизменна, необходимой технологии изменения людей нет, и мы не знаем, какие изменения надо сделать, даже если бы у нас была эта технология. Но на самом деле изменения возможны и технология имеется. А утверждение, что мы якобы не знаем, какие изменения надо сделать, - это "одна из величайших мистификаций столетия": мы ведь можем например согласиться что "здоровье лучше, чем болезнь, мудрость лучше, чем невежество, любовь лучше, чем ненависть, и творческая энергия лучше, чем невротическая лень". Научно управляемая община была бы устроена как эксперимент, где, как в любом эксперименте, первоначальный план будет постоянно модифицироваться на основании новых полученных данных.

Научный взгляд на человечество еще не получил широкого распространения прежде всего потому, что он противоречит концепции демократии. Мы обычно считаем людей самостоятельными и самодостаточными, но для ученого "своеволие - это только название поведения, причину которого мы пока не обнаружили". Демократическая идеология служила целям стимулирования революций и освобождения людей от принудительной формы управления, но она пережила свою полезность. "Нами всеми управляет тот мир, в котором мы живем ... и вопрос состоит в том, должны ли нами управлять случайности, тираны, или же мы сами собой при помощи целесообразного конструирования культуры?"

Скиннер обсуждает и все прочие аргументы, выдвинутые против его научной утопии: мнимо важную роль случайностей и спонтанности в обществе, страх перед однообразием и тезис Кратча (Krutch) о том, что планируемое общество якобы будет "лишено человеческого достоинства". Скиннер возражает ему, что "принуждение быть добродетельным" является "обременительной почестью". Культура, в которой обучение и воспитание людей даётся им без усилий, предпочтительнее нынешней, даже если это будет означать пересмотр наших представлений о заслугах и достоинстве. По мере того, как мы приближаемся к миру, в котором все меньше людей страдают от нищеты и отсутствия образования, и в котором мир идёт на смену войне, мы сможем обойтись без того, чтобы хвалить за достижения и порицать за прегрешения: "Резонно оплакивать исчезновение героизма, но не те условия, которые вызывают героизм".

Развитие науки о поведении, заключает Скиннер, "является последовательной и возможно неизбежной ролью" западной демократии. Для нашего образа жизни было бы "поражением", если вместо того, чтобы самим извлекать из неё пользу, она ускользнула бы в руки "деспотов" или "людей доброй воли в иной политической системе". Мы, таким образом, "позволим другим сделать следующий шаг в долгой борьбе за покорение природы и самих себя".

* * *

«Вторая половина 20-го века, возможно, ознаменуется решением одной любопытной проблемы. Хотя западная демократия создала условия, способствующие развитию современной науки, уже стало очевидно, что она никогда не сможет в полной мере пожать плоды её достижений. Так называемая "демократическая философия" (идеология) человеческого поведения, которую она породила, все сильнее конфликтует с применением научных методов в области человеческой деятельности. Если этот конфликт не удастся разрешить тем или иным путём, то достижение демократией её конечных целей может надолго задержаться.

Подобно тому, как биографы и критики ищут внешние влияния для объяснения черт характера и достижений изучаемых ими личностей, так и наука в конечном счете объясняет поведение при помощи причин или условий, которые лежат в окружающем человека мире. По мере того, как проявляется всё большее количество причинно-следственных связей, становится труднее противостоять следующему практическому выводу: должна существовать возможность планомерно вызывать конкретное поведение просто путем создания надлежащих условий. Соответственно среди целей, которые можно вполне реально поставить перед поведенческими технологиями будут такие: давайте сделаем людей счастливыми, просвещенными, квалифицированными, хорошо воспитанными и полезными членами общества.

Это непосредственное практическое следствие науки о поведении звучит знакомо для тех, кому известно учение гуманистов 18-го и 19-го века о совершенствовании человека. Научное понимание человеческого организма разделяет оптимизм этой философии и даёт ошеломляющие опытные данные, подтверждающие прагматическую веру в то, что люди способны создать лучший мир, а в нём - лучших людей. Это подтверждение поспело как раз вовремя, ибо в среде разделяющих традиционные взгляды в последнее время было мало оптимизма. Демократия стала "реалистичной", и относится явно с презрением к тем, кто сознается в своей приверженности идеям "утопического" совершенствования.

Однако стоит поразмыслить над прежними взглядами. И хотя истории известно много наивных и практически неосуществимых проектов совершенствования людей, почти все великие перемены в нашей культуре, которые мы теперь очень ценим, имеют свой исток в философии совершенствования. Все государственные, религиозные, образовательные, экономические и социальные реформы проводились по одному общему принципу. Возникает мнение, что изменения в культурной (общественной) практике - например, в правилах ведения доказательства в суде, в определении отношения к богу, в том, как дети учатся читать и писать, в допустимых процентных ставках, или в минимальных стандартах жилья - улучшат условия человеческого существования, соответственно совершенствуя правосудие, позволяя людям заниматься богоискательством более эффективно, повышая грамотность людей, ограничивая темпы инфляции или улучшая общественное здравоохранение и семейные отношения. Коренная предпосылка всегда одна и та же: что изменённая физическая или культурная среда изменит и улучшит человека.

Научное изучение поведения не только подтверждает в общих чертах такие предложения, но и может дать новые, улучшенные конкретные предложения. Самые ранние культурные реформы, вероятно, возникли чисто случайно. Те из них, которые делали человеческую группу сильнее, выжили вместе с ней в процессе своеобразного естественного отбора. Как только люди стали выдвигать и осуществлять изменения в общественной практике в расчёте на предполагаемый результат, этот "эволюционный процесс" получил ускорение. Простая практика внесения изменений, по-видимому, имела ценность для выживания. И от этого можно было ожидать дальнейшего ускорения. По мере того, как законы поведения формулировались более точно, становилось возможным более ясно определить изменения в окружающей среде, необходимые для получения желаемого результата. Становилось возможным выявить значение тех условий (подкрепления), которыми ранее пренебрегали потому, что их эффект был малоощутим или его просто не искали. А на самом деле можно создавать новые условия (подкрепления) - например, открытием и синтезом лекарственных препаратов, которые влияют на поведение.

Поэтому неуместно отказываться от принципов прогресса, улучшения жизни и, разумеется, человеческого совершенствования. Элементарный факт состоит в том, что мы теперь имеем возможность, как никогда прежде, вытащить себя из болота за собственные волосы. Добиваясь управления миром, частью которого мы являемся, мы наконец-то сможем научиться управлять собой.

II

Допотопные возражения против планируемого улучшения культурной (общественной) практики уже утратили значительную часть своей убедительности. Марк Аврелий был, вероятно, прав, когда советовал своим читателям быть довольными случайным совершенствованием человечества. "И не надейтесь осуществить на практике республику Платона", - вздыхал он, "... ибо кто в силах изменить мнения людей? А без изменения их отношения, кого вы можете создать, кроме недобросовестных рабов и лицемеров?" Он, несомненно, имел в виду тогдашние методы управления, основанные на наказании или угрозе наказания, которые, как он правильно заметил, делают лишь недоброжелательных рабов - из тех, кто подчиняются, и лицемеров - из тех, кто находят способ уклониться. Но нам не следует разделять его пессимизм, потому что вполне возможно изменять мнения. Как раз тогда, когда писал Марк Аврелий, ранней христианской церковью были разработаны методы индоктринации, которые и поныне столь же актуальны, как

и некоторые методы психотерапии, рекламы и пиара. А новейшие методы, разработанные при помощи научного анализа, не оставляют никаких сомнений по этому вопросу.

Изучение поведения человека также опровергает циничные возражения, что якобы элементарное "упрямство" всегда будет сводить на нет усилия по усовершенствованию людей. Нам часто заявляют, что люди не хотят, чтобы их перековывали, даже к лучшему. Мол, только попробуй помочь им, а они перехитрят тебя и будут счастливы оставаться в скотстве. Достоевский утверждал, что в этом есть некая закономерность. "Из чистой неблагодарности", плакался или, вероятнее, бахвалился он, "человек устроит вам гадость, просто чтобы доказать, что люди останутся людьми, а не станут клавишами пианино И даже если бы вы доказали, что человек - это всего лишь клавиша пианино, он будет по-прежнему что-то вытворять из чистой извращенности, он устроит разрушение и хаос, лишь бы настоять на своём А если все это в свою очередь удастся проанализировать и предотвратить, предупредив, что такое произойдет, то человек преднамеренно станет сумасшедшим, чтобы доказать свою точку зрения"... Но ведь всё это - очевидная невротическая реакция на неумелое управление поведением! Возможно, что кое-кто её проявляет, а многим понравилось утверждение Достоевского, потому что у них есть склонность её проявить. Но утверждать, что такая извращенность является фундаментальной реакцией человеческого организма на факторы, управляющие его поведением - это чистейший вздор.

То же можно сказать и о возражении, что якобы мы не можем знать, какие изменения нужны, даже если у нас есть необходимая для этого технология. Это одна из чудовищных мистификаций столетия, своего рода мина, оставленная обскурантами, отступающими перед наступлением науки. Сами ученые наивно согласились с тезисом, что якобы существует два вида полезных высказываний о природе: факты и оценочные суждения, и что наука, соответственно, должна ограничиться ответами лишь на вопрос "что это?", предоставляя право отвечать на вопрос "как это должно быть?" кому-то другому. Но какой особого рода мудростью наделены невежды? Наука является единственным достоверным знанием, независимо от того, кто именно ею занимается. Как показывает анализ, речевое поведение состоит из многих различных типов высказываний, от поэзии и заклинаний до логики и описания фактов, но вовсе не все они одинаково полезны с точки зрения культурной (общественной) практики. Мы можем классифицировать полезные утверждения соответственно уверенности, с которой их можно высказать. Утверждения о природе могут варьировать в диапазоне от существенно достоверных фактов до голых предположений. Вообще, правильное описание будущих событий куда менее вероятно, чем событий в прошлом. Например, когда ученые говорят о прогнозировании результатов эксперимента, то они часто делают высказывания, имеющие лишь ограниченную вероятность оказаться правильными; они называются гипотезами.

Разработка новой культурной модели во многом похожа на планирование эксперимента. Издавая новую конституцию, составляя новые образовательные программы, изменяя религиозную догматику или предлагая новую налоговую политику, многие отдельные пункты должны получать пробный статус. Мы не можем быть уверены, что вводимая нами практика будет иметь именно те последствия, которые мы прогнозируем, или что последствия вознаградят нас за усилия. Это заложено в самой природе таких предложений. Они являются не оценочными суждениями, а предположениями. И для дела совершенствования культурной (общественной) практики вовсе не полезно устраивать пустые дискуссии по поводу самого слова "совершенствование", которые лишь запутывают и тормозят дело. Давайте договоримся прежде всего, что здоровье лучше, чем

болезнь, мудрость лучше, чем невежество, любовь лучше, чем ненависть, и творческая энергия лучше, чем невротическая пассивность.

Другое широко известное возражение - это "политическая проблема". Пусть мы знаем, какие изменения нужны, и как их осуществить, но нам ещё необходимо иметь в распоряжении управление определенными необходимыми условиями, а они уже давно попали в руки эгоистов, которые не собираются отдавать их тем, кто хочет это осуществить. Возможно, нам разрешат развивать области, которые в данный момент кажутся незначительными, но при первых признаках успеха власть имущие встанут поперёк дороги. Это, говорят, произошло с христианством, демократией и коммунизмом. Мол, всегда будут принципиально эгоистичные и злые люди, и в долгосрочной перспективе наивная доброта не может иметь свободу действий. Однако единственное доказательство тому - это исторический опыт, а от него можно закоснеть в старых заблуждениях. На основании пути, по которому развивалась физика как наука, её история могла до недавнего времени служить "доказательством" того, что получение атомной энергии весьма маловероятно или вообще невозможно. Подобным же образом, вследствие того порядка, при котором процессы человеческого поведения становились доступны для управления ими, история может создавать впечатление, что этой властью, вероятно, будут всегда злоупотреблять в эгоистических целях. Ведь все технологии после своего открытия прежде всего попадали в руки могущественных и эгоистичных людей. История навела лорда Актона на мысль, что власть развращает, но он, наверно, никогда не сталкивался с абсолютной властью над людьми, и заведомо - не во всех её формах, и поэтому не имел возможности предвидеть её последствия.

Оптимистичный историк, возможно, придёт к иным выводам. Тот принцип, что если в мире не хватает доброй воли, то прежде всего надо создавать условия, чтобы её становилось больше, кажется, получает признание. План Маршалла (в первоначально задуманном виде) в статье IV, предлагающей предоставить атомные материалы странам, которые испытывают нехватку энергии, независимо от того, представляет ли она абсолютное новшество в истории международных отношений, предполагает лучшее осознание силы доброй воли правительств. Эти предложения вносят определенные изменения в социальную среду человека, чтобы получить результаты, которые должны быть полезными для всех, кого они затронут. Они являются примером не бескорыстной щедрости, а выгоды, которая полезна для всех. Мы всё еще не видели на троне платонического философа-короля, и, вероятно, это даже нежелательно, но разрыв между реальным и утопическим правительством сокращается.

III

Но положение ещё далеко не ясно, так как возникло новое и неожиданное препятствие. Когда мир, творимый по нашей воле, стал почти в пределах досягаемости, нас обуяла неприязнь к нашим достижениям. Мы встревожено отвергли возможность использовать методы и результаты науки на благо людей, и по мере того, как значение эффективного конструирования культуры стало осознаваться, многие из нас категорически отказались иметь с ним что-либо общее. Науку и раньше встречали в штыки, когда она посягала на власть учреждений, уже осуществлявших управление поведением человека, но что можно поделаться с благонамеренными людьми, у которых нет своекорыстных интересов, которые бы им приходилось защищать, но которые тем не менее настроены против тех самых средств, которыми можно достичь те цели, о которых они столь долго мечтали?

При этом отвергается, конечно, научная концепция человеческого организма и его места в природе. До тех пор, пока выводы и методы науки используются в практике человеческой жизни только для того, чтобы её латать и ремонтировать, мы можем и далее придерживаться любых произвольных воззрений на природу человека. Но по мере роста влияния науки нам приходится усваивать теоретическую структуру, в рамках которой наука представляет свои факты. Трудность тут в том, что эта структура явно не в ладах с традиционной демократической концепцией человека. Каждое открытие факторов, которые участвуют в формировании нашего поведения, очевидно уменьшает долю того, что можно приписать нашим личным заслугам, и по мере того, как такое объяснение поведения становится все более и более всеобъемлющим, тот вклад, на который мы можем претендовать как личности, стремится к нулю. Наши творческие силы, наши самостоятельные достижения в искусстве, науке и нравственности, наша способность делать свободный выбор и основания привлекать нас к ответственности за последствия нашего выбора - ничто из этого не является доминирующей чертой в этом новом портрете человека. Мы когда-то веровали, что у нас есть свобода самовыражения в искусстве, музыке, литературе, а также свобода изучения природы и поисков религиозного спасения на свой собственный лад. Мы могли инициировать деятельность и осуществлять изменения её курса спонтанно, по капризу. Даже в самой крайней степени принуждения нам оставался какой-то выбор. Мы могли противостоять любым попыткам управлять нами, даже если это будет стоить нам жизни. Но наука утверждает, что наши действия инициируются силами, которые воздействуют на личность, и что каприз - это всего лишь название поведения, причину которого мы пока не нашли.

Чтобы примирить эти взгляды, нужно отметить, что традиционные демократические концепции не были разработаны как описание поведения в научном смысле, а как философия, которую надлежит применять в установлении и поддержании деятельности государства. Они возникли в конкретных исторических условиях и служили политическим целям, за пределами которых их невозможно правильно понять. Для того, чтобы сплотить народ против тирании, было необходимо придать сил личностям и убедить их, что у них есть права и они могут управлять собой. Часто единственной опорой для революционера было дать людям новую концепцию их ценности, их достоинства и их силы спасти самих себя, как здесь, так и в загробном мире. Когда демократические принципы были применены на практике, то эти самые доктрины были использованы как руководство к действию. Примером этого может служить понятие личной ответственности в англо-американском праве. Все государства устанавливают определенные виды наказания за определенные действия. В демократических странах эти условия выражаются понятием ответственности за выбор. Но это понятие может не иметь никакого смысла, если практика государственности сформулирована иным образом и, конечно, не имеет места в системах, которые не применяют наказания (т.е. практикуют положительное подкрепление).

Демократическая философия природы человека определяется определенными политическими потребностями и методами, а не целями демократии. Но потребности и методы изменяются, и концепция, которая более не получает поддержки из-за её адекватности или даже её подобия - а она в действительности вовсе не основана на фактах - то можно ожидать, что её заменят. Независимо от того, как высоко мы оцениваем эффективность демократической общественной практики и как высоко мы её ценим, или сколько по нашему мнению она ещё просуществует, она почти наверняка не является окончательной формой правления. Философия человеческой природы, которая помогла воплотить её в жизнь, тоже почти наверняка не является последним словом. Достижение окончательных целей демократии может задержаться, если мы и далее будем делать упор на словесные инструменты демократического мышления, а не на действительные цели. Философия, которая удовлетворяла одному набору политических

потребностей, предаст свои цели, если при других обстоятельствах будет мешать нам применять на практике науку о человеке, создать которую вероятно не может ничто, кроме самой демократии.

IV

Вероятно, наиболее важная часть нашей демократической философии, которую следует пересмотреть - это наше отношение к свободе и её антиподу - управлению поведением человека. Мы не отвергаем любые формы управления, потому что сама "человеческая природа" предполагает это. Такая реакция не характерна для всех людей во всех жизненных ситуациях. Существующая позиция была кропотливо разработана в основном тем, что мы называем "книжной" демократией. Для применения некоторых методов управления (например, угрозы применения силы), требуется очень мало усовершенствований, так как сами методы или их непосредственные результаты отвратительны. Общество порицает эти методы, клеймя их как «неправильные», «незаконные» или «греховные». Но для того, чтобы поощрить общество на такое отношение к отвратительным формам управления, было необходимо замаскировать истинную природу некоторых других необходимых методов, наиболее распространенными примерами которых являются образование, нравственное воспитание и убеждение. Эти способы сами по себе представляются достаточно безобидными. Они состоят в информировании, предоставлении возможности для действия, указании на логические взаимосвязи, апелляции к разуму или "просвещенному сознанию", и так далее. Если охмурёж выполняется мастерски, то создаётся иллюзия, что эти способы не являются управлением поведением, в крайнем случае это просто способы "изменения мнений". Но анализ не только выявляет однозначное наличие конкретных поведенческих процессов, но и своеобразного управления не менее неумолимого, хотя в некоторых отношениях и более приемлемого, чем угроза насилия.

Давайте предположим, что человек, в котором мы заинтересованы, действует неразумно: он нечуток в отношениях с друзьями, он ездит слишком быстро или неправильно держит клюшку для гольфа. Мы, возможно, поможем ему, дав ряд ценных указаний: «Не ворчи, не гони больше 60 км/ч, не держи клюшку таким вот образом». Но гораздо меньше возражений вызовет "апелляция к здравому смыслу". Мы могли бы показать ему, как люди изменяются в зависимости от обращения с ними, как частота несчастных случаев резко возрастает на более высоких скоростях, и насколько та или иная хватка клюшки изменяет способ удара по мячу и корректирует его подрезку. При этом мы прибегаем к речевым медиаторам, которые подчеркивают и поддерживают определенные "факторы подкрепления", то есть определенные взаимоотношения между поведением и его последствиями - которые усиливают то поведение, которого мы хотим добиться. Те же самые последствия, возможно, изменили бы поведение и без нашей помощи, и в конечном итоге поведение будет управляться именно ими независимо от того, в какой форме мы окажем помощь. Призыв к разуму имеет определенные преимущества по сравнению с властными приказами. Угроза наказания, будь она даже скрытной, вызывает эмоциональные реакции и тенденцию к бегству или сопротивлению. Возможно, получившие её всего лишь "чувствуют обиду" за то, что их заставляют действовать тем или иным образом, но даже и этого следует избегать. Когда мы "призываем к разуму" люди чувствуют больше свободы поступить так, как им заблагорассудится. Дело тут в том, что мы оказали меньше давления, чем при использовании угрозы, а так как и другие факторы могут оказать своё влияние, то результат может быть отсрочен или, возможно, даже отсутствовать. Но если мы вообще добились изменения поведения, то это только потому, что мы изменили соответствующие факторы окружающей среды, и процессы,

которые мы привели в действие, столь же реальны и неотвратимы, пусть даже и не столь очевидны, как в случае властного принуждения.

"Предоставление возможности для действия" является еще одним примером замаскированного управления. Сила его отрицательной формы уже была показана при анализе цензуры. Ограничение возможностей считается далеко не безобидным делом. Как заявил Ральф Бартон Перри в статье, опубликованной в журнале "Pacific Spectator", весна 1953 года: "Тот, кто определяет, какие альтернативы должны быть известны людям, управляет тем, из чего они выбирают. Они лишены свободы в той мере, в какой доступ к любым идеям им прегражден или ограничен лишь рядом тех идей, которые не охватывают всю совокупность соответствующих возможностей". Но в этом есть и положительная сторона. Когда мы представляем положение дел соответствующим образом, мы увеличиваем вероятность того, что будет выполнен именно данный акт поведения. Мы делаем определенный вклад в отношении того, как изменяется вероятность его выполнения. Учителя истории управляют поведением своих учеников (или, если вы предпочитаете, "лишают их свободы"), преподавая исторические материалы, ровно настолько же, как и утаивая их. Какие-то иные факторы, несомненно, влияют на студентов, но вклад в их поведение, сделанный преподаванием материала, фиксируется и становится неодолимым в сфере своего действия.

Методы образования, нравственного воспитания и убеждения приемлемы не потому, что они признают свободу личности и право на инакомыслие, а потому, что они делают лишь частичный вклад в управление поведением. Свобода, которую они признают - это свобода от более принудительных форм управления. Инакомыслие, к которому они проявляют терпимость, является возможным результатом влияния других факторов, определяющих поступки. Так как эти санкционированные методы зачастую неэффективны, то мы приходим к убеждению, что они якобы вовсе не являются управлением. А когда в них вкладывают слишком много усилий и тем разрушают иллюзию, то мы называем их совсем по-другому и сопротивляемся им так же энергично, как и применению насилия. Образование, став слишком настойчивым, отвергается как пропаганда или "промывание мозгов", а действительно эффективное убеждение обзывают "чрезмерным внушением", "демагогией", "обольщением" и т. п.

Если мы не хотим полностью полагаться на случайность возникновения инноваций, которые осуществляют культурную эволюцию, мы должны признать тот факт, что определённое управление человеческим поведением неизбежно. Мы не сможем руководствоваться здравым смыслом в человеческих делах, если никто не будет заниматься проектированием и созданием факторов внешней среды, которые влияют на поведение человека. Изменения в окружающем мире всегда были условиями для улучшения культурных норм, и вряд ли мы сможем использовать более эффективные методы науки без осуществления крупномасштабных изменений. Нами всеми управляет мир, в котором мы живем, и часть этого мира была построена и будет построена нами. Вопрос заключается в следующем - что должно управлять нами: случайности, тираны, или мы сами, применяя эффективное планирование культуры?

Опасность злоупотребления властью сейчас, возможно, больше, чем когда-либо. Она не уменьшается утаиванием фактов. Мы не можем принимать мудрые решения, если мы будем продолжать делать вид, что управления поведением человека нет, или если мы откажемся участвовать в управлении, даже если можно будет получить ценные результаты. Такие меры только ослабляют нас, передавая ценность науки кому-то другому. Первым шагом в защите от тирании является наиболее полное обнародование технологий управления. Второй шаг уже был

успешно сделан - это ограничение использования физического насилия. Медленно, и пока еще несовершенно, мы разработали этические и государственные факторы, благодаря которым сильным не дозволено злоупотреблять властью вследствие их способности управлять другими. Их сдерживает превосходящая сила, созданная для этой цели - нравственное давление группы, или более явные религиозные и государственные санкции. Мы склонны не доверять превосходящей силе, например мы в настоящее время сомневаемся в отказе от суверенитета для того, чтобы создать международные силы правопорядка. Но только при помощи такого контроля над властью мы добились того, что мы называем миром - того состояния, при котором люди не имеют права управлять друг другом посредством насилия. Другими словами, управление само должно быть предметом управления.

Наука и ранее создавала опасные процессы и материалы. Использование данных и методов науки о человеческом поведении в полном объеме без того, чтобы совершить какую-нибудь чудовищную ошибку, будет сложно и, очевидно, опасно. Но у нас нет времени для самообмана, эмоциональной безответственности или занятия позиций, которые теперь уже бесполезны. Мы стоим перед трудными испытаниями. Мы должны принять вызов или начинать всё сначала - с далёким отставанием.

V

Те, кто отвергают научные концепции о человеческом организме, должны ради того, чтобы быть логичными, выступать и против методов науки. Такую позицию часто пытаются подкрепить пророчествами о массе страшных последствий, которые должны произойти, если не обуздать науку. Недавняя книга Джозефа Вуда Кратча (Krutch) «Мера человека» (1) как раз в этом русле. Господин Кратч усматривает в развитии науки о человеческом поведении угрозу беспрецедентной тирании над разумом. Если науке будет позволена свобода действий, настаивает он, то "мы никогда более не будем в состоянии по-настоящему мыслить". Например, управляемой культуре якобы будет не хватать неких достоинств, присущих неупорядоченности. Мы, мол, возникли из хаоса благодаря ряду счастливых случайностей, а вот культурная (социальная) инженерия сделает "невозможными новые вспышки незапланированного". Однако в случайном характере случайностей нет никаких преимуществ, и разнообразие, которое возникает из беспорядка, можно целенаправленно не только имитировать, но значительно расширять. Экспериментальный метод имеет преимущества в сравнении с простым наблюдением уже потому, что он размножает "случайности" путём систематического обзора всех возможностей. Технология содержит массу таких примеров. Мы больше не ждём, чтобы иммунитет к болезни выработался в результате случайных инфекций, и мы не ждём возникновения спонтанных мутаций у овец или хлопка для получения улучшенных волокон, но мы по-прежнему используем такие случайности, когда они происходят, и мы, конечно, их не предотвращаем. Многие из того, что мы ценим, произошло из столкновений невежественных армий на мрачных равнинах, но из этого не следует делать вывод: что мудрость в том, чтобы поощрять невежество и обскурантизм.

Также говорят, что нам будет не хватать не самого хаоса, а неких замечательных человеческих качеств, которые расцветают только в обстановке хаоса. Мол, личность вырастает из неблагоприятных условий тяжелого детства и достигает успеха, и если мы не в состоянии дать правдоподобное объяснение воздействия столь сложной окружающей среды, то мы приписываем достижение успеха неким восхитительным личным способностям. Но такие "способности" подозрительно напоминают те фиктивные объяснения, от которых нас предостерегает история науки. Мы восхищаемся Линкольном, который перерос своё убогое

школьное образование, но это не обязательно было что-то внутри его, что позволило ему вопреки этому стать высокообразованным человеком. Среда, в которой он воспитывался, конечно, не планировалась, но несмотря на это она, возможно, сделала весомый вклад в его зрелое поведение. Он был редкой личностью, но обстоятельства его детства тоже были необычными. Мы не ставим в заслугу Франклину Делано Рузвельту, что он стал образованным человеком, участь в Гротоне и Гарварде, хотя, вероятно, тут причастны те же самые поведенческие процессы. Основание таких (элитных) учебных заведений, как Гротон и Гарвард, несколько снижает вероятность того, что случайное сочетание обстоятельств породит нового Линкольна. Тем не менее, их основателей вряд ли следует осуждать за принижение восхитительных человеческих способностей.

Другим предрекаемым последствием науки о человеческом поведении считают чрезмерную ординарность. Нам говорят, что эффективное управление - будь то государственное, церковное, образовательное, экономическое или социальное – создаст расу людей, члены которой будут отличаться друг от друга лишь относительно жесткими генетическими различиями. Это было бы кошмарной затеей, но надо признать, что мы сейчас следуем именно этим, а не каким-либо иным курсом. Например, в современной школе обычно есть учебная программа, которая диктует, что именно все учащиеся должны знать к концу каждого года. И было бы вопиющей уравниловкой, если бы кто-либо ожидал, что каждый ученик справится с этим. Одни из них окажутся неуспевающими по какому-то отдельному предмету, другие просто не будут учиться, ещё кто-то не будет помнить, что он выучил, так что разнообразие гарантировано. Однако предположим, что мы когда-нибудь овладеем такими эффективными методами образования, что каждый учащийся действительно овладеет всем поведенческим репертуаром, установленным в программе. В конце года все учащиеся правильно ответят на все вопросы на выпускных экзаменах и (словами из "Алисы в Стране Чудес") "все должны получить приз". Отвергнем ли мы такую систему на том основании, что делая всех учеников отличниками, она подстригла их всех под одну гребенку? Сторонники теории особых дарований могут даже заявить, что важным преимуществом нынешней системы является то, что хороший ученик учится вопреки системе, которая настолько плоха, что в настоящее время производит плохих учеников. Но если действительно эффективные методы станут доступны, то мы не сможем избежать проблемы управления, тупо предпочитая существующее положение вещей. В какой момент они захотят сделать образование преднамеренно неэффективным?

Такие пророчества о хаосе, который якобы возникнет от применения науки в практике человеческих дел, как правило, делаются с удивительной самоуверенностью. Они не только демонстрируют веру в упорядоченность человеческого поведения, они ещё и предполагают, что якобы существует масса незыблемых данных, на основании которых можно положительно утверждать, что изменения, которые предлагают сделать ученые, будут иметь вполне четкие результаты – однако вовсе не те, которые предполагают ученые. Но предсказания критиков науки надо тоже считать в равной степени подверженными ошибкам и нуждающимися в эмпирической проверке. Мы можем быть уверены, что многие шаги в научном проектировании культурных моделей приведут к непредвиденным последствиям. Но есть только один способ это выяснить. Необходимо произвести опыты, потому что если нам не дадут идти вперед в разработке культурных моделей с абсолютной уверенностью, то мы, с другой стороны, не должны почивать в полной уверенности превосходства существующего положения вещей.

VI

Однако помимо их якобы нежелательных последствий научные методы, как считается, не учитывают неких похвальных качеств и способностей, которые якобы процветают в культурах, где планирование менее очевидно. Оттого эти методы называют "унизительными" и "недостойными". (Г-н Кратч обозвал мою книгу "Уолден-Два" "низменной утопией".) В наше время условный рефлекс стал мальчиком для порки. Вследствие того, что условные рефлексы можно продемонстрировать на животных, то их считают якобы чем-то исключительно недочеловеческим. А этим подразумевается, как мы уже видели, что в обучении и нравственном воспитании никакие поведенческие процессы не участвуют или что по меньшей мере такие процессы свойственны исключительно человеку. Но у людей обнаруживаются условные рефлексы (например, когда они напуганы всеми разновидностями управления человеческим поведением, потому что некоторые из них вызывают страх), а у животных обнаруживаются процессы, похожие на человеческое поведение в процессах обучения и нравственного воспитания. Когда г-н Кратч утверждает, что якобы "кондиционирование достигается с помощью методов, которые идут в обход или как бы замыкают накоротку ту самую способность мыслить, которую образование предлагает развивать и упражнять" (2) (стр. 68-69), то он выдвигает технический тезис, который нуждается в определении терминов и массе данных, подтверждающих его.

Если такие методы называются "низменными" просто потому, что они не оставляют места для неких достойных восхищения качеств, то, вероятно, обычай восхищаться ими должен быть пересмотрен. Пусть говорят, что дети, чье образование было квалифицированно спланировано, были лишены права на интеллектуальный героизм. Не осталось ничего достойного восхищения в том, как они получают образование. Подобным образом можно представить себе нравственное воспитание, которое настолько адекватно требованиям культуры, что люди станут нравственными по сути автоматически, но соответственно они будут лишены права на нравственный подвиг, так как мы редко восхищаемся автоматической добродетелью. Тем не менее, если мы обратимся к целям морали, а не к определенным добродетельным средствам, то не окажется ли "автоматическая добродетель" желаемым положением вещей? Не является ли она, например, общепризнанной целью религиозного воспитания? Т.Г. Гексли ответил на вопрос недвусмысленно: "Если какая-то великая держава решит сделать так, чтобы я всегда думал истинно, а поступал правильно, при условии превратиться в своего рода часы, которые заводят каждое утро, прежде чем я встану с постели, то мне следовало бы немедленно принять это предложение" (3) (с. 192-193). Но тем не менее г-н Кратч цитирует это место как вряд ли заслуживающую доверия "прото-модернистскую" точку зрения и, по-видимому, разделяет презрение Т.С. Элиота к «... системам столь совершенным, что они никого не принуждают быть добродетельными».

"Принуждение быть добродетельным" является отличным примером обременительной почести. Оно неотделимо от специфической формы этического и морального управления. Мы различаем вещи, которые мы должны делать, чтобы избежать наказания, и те, что мы хотим делать из-за приятных последствий. В культуре, которая не прибегает к наказанию (т.е. основанной на положительном подкреплении), мы никогда не будем "должны" делать ничего, кроме того, что связано с карающими факторами, которые возникают непосредственно в физической окружающей среде. И мы идём к такой культуре, потому что невротические, если не сказать психопатические результаты управления при помощи наказания уже издавна побуждали сострадаательных людей искать альтернативные методы. Недавние исследования дали объяснение ряда вредных результатов наказания и выявили по меньшей мере такую же

потенциальную силу в "положительном подкреплении". Вполне разумно с нетерпением ждать прихода того времени, когда люди будут редко "должны" что-либо делать и при этом будут проявлять интерес, энергию, воображение и созидательность, выходящие далеко за пределы того уровня, который свойственен нынешней системе (за исключением редких неожиданных вспышек).

Что мы должны делать, мы делаем с вынужденной затратой усилий. Мы называем это «работать». Нет никакого иного способа отличить изнурительный труд от, вероятно, требующей столько же энергии, но приятной игровой деятельности. Можно полагать, что хорошей практикой конструирования культуры была бы замена первого на второе. Но необходима адаптация отношения людей к этому вопросу. Нам гораздо более привычно восхищаться героическими трудами Геракла, чем деятельностью того, кто работает не из необходимости. В подлинно эффективной системе образования ученик, возможно, совсем не будет "должен работать", но эта возможность, скорее всего, вызовет у нынешнего учителя эмоции, мало отличающиеся от ярости.

Невозможно примирить между собой традиционные и научные взгляды, договорившись о том, чем именно надо восхищаться и что - осуждать. Вопрос состоит в том, следует ли оценивать вообще что-либо таким образом. Ведь одобрение и осуждение - культурная (общественная) практика, которая является придатком доминирующей системы управления в западной демократии. Другие народы не занимаются ею в тех же целях или в той же степени, и, конечно, одно то же поведение далеко не всегда классифицируются одинаковым образом как предмет похвалы или порицания. Восхищаясь интеллектуальным и нравственным героизмом и жертвенным трудом и отворачиваясь от общества, в котором такое восхищение было бы аномалией, мы просто демонстрируем наше собственное культурное кондиционирование (предрассудки). Формируя определенные тенденции относительно восхитительного и порицаемого, общественная группа, частью которой мы являемся, создаёт социальное положительное подкрепление и наказание, необходимое для обеспечения высокого уровня интеллектуального и морального конформизма. Но в иной, причём вероятно лучшей системе управления, то поведение, которым мы сейчас восхищаемся, также имело бы место быть, однако не в тех условиях, которые ныне делают его восхитительным; следовательно у нас не будет никаких оснований им восхищаться, потому что культура и общество в целом нашли бы другую практику, обеспечивающую то, чтобы это поведение практиковалось его членами.

Для тех, кого вдохновляет блистательный героизм сражений, мир во всем мире - отнюдь не наилучший мир. Кто-то иной может отвергать мир без печали, тоски или чувства вины по той причине, что тогда глубоко волнующие его произведения искусства утратили бы свою актуальность. Для многих из тех, кто посвятил свою жизнь борьбе за разумное и доброе, мир без заблуждений и зла может показаться опустошенным. Ностальгическая озабоченность утратой нравственного героизма была доминирующей темой в творчестве Олдоса Хаксли. В романе "О дивный новый мир" он изобразил постановку человеческих отношений на научную основу лишь как извращение понятия "Добра" (точно так же Джордж Оруэлл в своём "1984" в будущем не хотел видеть ничего, кроме ужаса). В своей статье в журнале *Esquire* (август 1955 г.) Хаксли аргументировал это следующим образом: "У нас были религиозные революции, а также политические, промышленные, экономические и националистические революции. Все они, как обнаружат наши потомки, были лишь рябью на океане консерватизма - мелочью по сравнению с психологической революцией, к которой мы сейчас так быстро приближаемся. Вот это действительно будет настоящая революция. Когда она закончится, в роде человеческом смутянов больше не будет". (Примечание для читателя будущего: Хаксли вовсе не считал это

"счастливым концом". В его время - 1956 год - человеком восхищались лишь либо за то, что он устраивал смуту, либо за то, что избавлял от неё.)

Истечет много времени, прежде чем мир сможет обходиться без героев и, следовательно, без культурной (общественной) практики восхваления героизма, однако мы движемся в этом направлении, когда своими действиями предотвращаем войну, голод, мор и прочие бедствия. Истечет много времени, прежде чем нам не будет нужды прибегать к наказаниям или заниматься изнурительным трудом, но мы движемся в этом направлении всякий раз, когда мы делаем более общедоступными пищу, жильё, одежду и технологии, заменяющие тяжёлый труд. Мы можем оплакивать исчезновение героев, но не те условия, которые делают героизм необходимым. Мы можем обойтись без самозванных святых и мудрецов - как мы обходимся без прачек, которые прежде на берегах рек вели страшно неравную борьбу за чистоту.

VII

Две серьезные опасности, таящиеся в современном демократическом мышлении, можно видеть на примере книги бывшего государственного секретаря Дина Ачесона: "Долгое время", пишет г-н Ачесон, "мы придерживались нескольких хорошо проверенных принципов поведения: лучше говорить правду, чем лгать; ... что обязанности первичны по отношению к правам и по сути более фундаментальны; что - по словам судьи Холмса - метод, которым воплощается неизбежное - это усилия; что идти несправедливым путём неправильно независимо от того, сколько бы людей по нему ни шло... и так далее Наши учреждения основаны на том предположении, что большинство людей по преимуществу следует этим принципам, потому что они этого хотят, и что учреждения работают весьма хорошо, когда это предположение справедливо. Однако не так давно некие умники принялись манипулировать механизмами человеческого мышления, и сделали довольно много открытий. ... Гитлер добавил новые усовершенствования [в результате чего] целый народ был совершенно оболванен и совращен. К несчастью, обладание этими знаниями и желание употребить их не ограничилось Гитлером. Есть и другие, кто черпают из этого дьявольского котла" (4) (стр. 14-15).

Первый опасный тезис в этом отрывке - это то, что якобы большинство людей следуют демократическим принципам поведения "потому что они этого хотят". Это вовсе не объяснение демократии или любой другой формы правления, если мы не объясним, почему люди хотят вести себя соответствующим образом. Конечно, соблазнительно предположить, что человеческой природе свойственно верить в демократические принципы, но мы не должны упускать из виду ту "культурную (социальную) инженерию", которая создала и продолжает поддерживать демократическую общественную практику. Если нас не интересуют условия, которые вызывают демократическое поведение, то бесполезно пытаться сохранить демократическую форму правления. И мы не можем ожидать успеха в экспорте демократической формы правления, если мы не обеспечим функционирование той культурной (общественной) практики, которая бы поддерживала его. Наши предки не раскрыли сущность человеческой природы, они выработали модель поведения, которая в данных обстоятельствах функционировала удивительно хорошо. А "набор принципов", описывающий эту практику, отнюдь не является единственно верным набором и не обязательно лучшим из возможных. Г-н Ачесон перечислил те пункты, которые по его мнению являются наиболее бесспорными; некоторые из них, вероятно, такими несомненно являются, но прочие - о долге и усилиях – возможно, придётся пересмотреть по мере того, как изменяется мир.

Вторая и более значительная угроза для демократии, которую г-н Ачесон защищает - это его мнение, что знание обязательно стоит на стороне зла. Все упоминаемые им восхитительные вещи он приписывает врожденной добродетельности человека, а все омерзительные - "манипуляции механизмами человеческого мышления". Это вызывает в памяти позицию, занятую некими учреждениями, занимавшимися управлением, утверждавшими, что определенные формы знания сами по себе являются грехом. Но как она чужда демократической философии! Как можно договориться до того, чтобы утверждать, что люди доброй воли не могут изучать поведение человека, не становясь тиранами, или что знающие люди не в состоянии проявить добрую волю? Давайте раз и навсегда поставим знание и добродетель на одну и ту же сторону.

VIII

Развитие науки о человеческом поведении не только не угрожает традиции западной демократии, но и является логичной и, возможно, неизбежной её частью. Изучая внешние факторы, которые формируют и поддерживают поведение, и в тоже время ставя под вопрос реальность внутренних человеческих качеств и способностей, которым прежде приписывались достижения людей, мы переходим от сферы неопределённого и опосредованного к явлениям, которые доступны наблюдению и экспериментированию. Пусть это болезненный шаг, но он имеет далеко идущие последствия, ибо он не только устанавливает более высокие нормы благополучия людей, но и показывает нам, как их достичь. Изменение теории человеческой природы не может изменить факты. Наши достижения в науке, искусстве, литературе, музыке и нравственности переживут любую налагаемую на них интерпретацию. Научные представления вовсе не оспаривают уникальность личности. Короче говоря: Человек остаётся Человеком (и к тому же будет ещё больше достойного восхищения - для тех, кто имеет склонность к этому. Вероятно, самое благородное достижение из всех, к которым нам даже по современным стандартам свойственно стремиться - это принимать себя такими, какие мы есть, по мере того, как эта реальность открывается перед нами при помощи методов, которые мы разработали и опробовали на том кусочке мира, в котором мы имеем всего лишь небольшую личную заинтересованность).

Если западная демократия не упустит из виду цели гуманистической деятельности, то она получит почти волшебную поддержку своей собственной науки о Человеке, укрепит себя и будет играть важную роль в построении лучшего мира для всех. Но если ей не удастся поставить свою "демократическую философию" в надлежащую историческую перспективу, если она, обуянная предрассудками и эмоциями, которые она накопила для иных целей, теперь отвергнет помощь науки, то она должна готовиться к поражению. Ибо, если мы будем продолжать настаивать на том, что наука не может дать ничего, кроме новой и более ужасной формы тирании, то мы можем получить именно этот результат, позволив силе науки попасть в руки деспотов. А если по счастью она попадёт в руки людей доброй воли, но в другой политической системе, то это будет, наверно, ещё более позорное поражение, ибо тогда нам придётся, извратив демократические принципы, поневоле предоставить другим совершить следующий шаг в долгой борьбе за господство над природой и самими собой».

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Krutch, J.W. The measure of man. - Мера человека. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1953.
2. Ibid.
3. Huxley, T.H., Method and results: Essays. - Методы и результаты: Очерки. New York: D. Appleton, 1897.
4. Acheson, D. The pattern of responsibility - Структуры ответственности. (M. Bundy, Ed.). Boston: Houghton Mifflin, 1952.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Редактор воскресного приложения к Нью-Йорк таймс "Обзор книг" (Джон Хатченс, мой старый друг) поместил мою книгу "Walden Two" в список «Заслуживающих быть бестселлерами». Но публика это проигнорировала. В 1951 году были проданы последние 86 экземпляров первого издания и наборный шрифт был разобран. (Эти ранние экземпляры теперь продаются втридорога.) Потом вышло небольшим тиражом дешевое издание для колледжей, но только в начале шестидесятых годов начало распродаваться качественное издание в мягкой обложке.

Но книга продолжала привлекать к себе внимание. В 1954 году Джозеф Вуд Кратч опубликовал опус "Мера человека", большая часть которого была посвящена "Walden Two". Я встретился с Кратчем несколько лет назад, когда он и я приняли участие в дискуссии, записанной и опубликованной в журнале "The American Scholar". После этого он прочел-таки "Walden Two" и устроил весьма злобную кампанию нападок. Как я и думал, он проявил подобно другим недоброжелательным критикам своё непонимание перспектив экспериментального анализа поведения, которые я представил в книге "Наука и поведение человека". Когда редактор журнала "The American Scholar" попросил меня написать ещё одну статью, я был рад воспользоваться возможностью, чтобы ответить Кратчу и сделать обзор этих перспектив.

Я написал эту статью летом 1955 года на Монхегане, острове у побережья штата Мэн, где у нас была дача. (Если бы я писал ее сегодня, я бы, наверное, озаглавил её просто "Свобода и управление". Слово "Men" - "Мужчины" в те годы обозначало весь человеческий род)».